

**ТВЕРСКОЙ ЕПИСКОП ЕВФИМИЙ ВИСЛЕНЬ
И ЦЕРКОВЬ НИКОЛО «НАД РУЧЬЁМ»**

А. М. Салимов, В. В. Романов, Е. А. Романова

Зимой 1386/87 г. в Твери произошло событие, которое, пожалуй, впервые за время существования Тверского княжества так открыто засвидетельствовало наличие серьёзных противоречий между князем и владыкой. В 1387 г. тверской князь Михаил Александрович достаточно категорично заставил епископа Евфимия оставить кафедру. Обиженный иерарх покинул владычный двор в Тверском Кремле и перебрался в Никольский монастырь «над ручаём»¹. Это не было официальным отрешением от сана, подобное мог осуществить только митрополит, тем не менее зимой 1386/87 г. тверская епархия на несколько лет осталась без реально действующего наместника. Окончательное низложение Евфимия состоялось летом 1390 г. специально прибывшим для решения данного вопроса в Тверь митрополитом Киприаном².

На состоявшемся суде тверские «архимандриты, и игумени, и священники, и иноцы, и боаре, и велможи, и прости» обвинили Висленя в «мятеже и раздоре церковнем». В итоге Киприан лишил тверского епископа кафедры³ и забрал с собой в Москву, где на следующий год опальный владыка умер в Чудовом монастыре «в истоме от митрополита»⁴.

Неизвестно, стал ли разрыв князя и епископа бесповоротным в 1387 г., но вполне можно допустить, что в первое время после ухода владыки в монастырь Михаил Александрович надеялся на возможность мирного разрешения конфликта и поэтому, вероятно, не сразу обратился к митрополиту. Хотя с таким же успехом можно предположить, что нежелание (или невозможность) решить эту проблему были обусловлены пребыванием у власти в Москве Дмитрия Донского. Лишь после его смерти (в 1389 г.) и после прибытия в 1390 г. в Москву нового митрополита тверской князь решил всё же избавиться от епископа Евфимия Висленя.

Учитывая весьма невнятный характер инкриминируемых владыке грехов («мятеж и раздор церковный»), сложно определить с причинами, вызвавшими недовольство князя. Таким ли уж всеобщим было негодование духовенства и мирян? Неизвестно, насколько они в своих обвинительных речах были свободны от княжеской воли. И не повлияло ли на объективность прибывшей с митрополитом делегации обильное трёхдневное угощение, которое обеспечил гостям Михаил Александрович⁵? В итоге, можно констатировать, что малоинформативность источников не позволяет говорить что-либо определённое о причинах и сути конфликта. И в этой ситуации весьма продуктивной может, к примеру, оказаться версия немецкого исследователя Э. Клюга, который предположил, что Евфимий мог стать

неугоден «не из-за ереси и не по политическим мотивам, а в связи с его личными “причудами” — высокомерием и заносчивостью»⁶.

Ну, действительно, а почему нет? В российской истории немало примеров, когда духовный лидер вступал в конфликт (иногда непримиримый) со светской властью. Наиболее яркий из них — это попытка Никона диктовать свою волю царю Алексею Михайловичу. Но и в более ранние эпохи случалось подобное. И что важно (особенно в связи с вышеописанными событиями) — во второй половине XIV в. на протяжении достаточно длительного времени московский великий князь делил власть с митрополитом Алексеем, который фактически являлся «управляющим делами» Московского княжества. По сути дела, он превратил «митрополичью кафедру в своего рода политический штаб московского великого княжения»⁷. Проведя монастырскую реформу, Алексей, по мнению Н. С. Борисова, способствовал появлению во второй половине XIV в. большого числа энергичных монахов-политиков, для которых участие в политической борьбе стало нормой. Напомним также, что митрополит Алексей, по всей видимости, так и не благословил духовника Дмитрия Донского Митря в качестве своего преемника, на чём так настаивал князь⁸. Не стала ли деятельность Алексея в каком-то смысле примером для тверского владыки? Тем более что его руководство кафедрой пришлось на весьма значительные события, в которых оказалось задействовано Тверское княжество. Напомним, что в 1375 г., уже через год после своего поставления, Евфимий по поручению тверского князя подписал мирный договор с Дмитрием Донским⁹. Амбиции владыки могли получить подпитку в начале 1380-х гг., когда в Твери жили митрополиты Киприан и Пимен. Первый бежал в Тверь от Тохтамыша, а второй находился здесь в ссылке¹⁰. Таким образом, Евфимий Вислень оказался в центре политической жизни страны. И если вслед за Ключом допустить, что тверскому владыке были свойственны высокомерие и заносчивость, то эти его человеческие качества, наложившись на карьерные успехи, могли спровоцировать у епископа потребность в расширении властных полномочий, выходящих за пределы духовной юрисдикции главы епархии. Если именно так развивались события, то тогда понятна «нелюбовь» тверского князя к владыке.

Не последнюю роль в развитии конфликта не только с князем, но и с частью тверского общества мог сыграть образ жизни иерарха. Ведь прозвищем «Вислень» («висленя»), которое означает «лентяй и пьяница»¹¹, могли наделить Евфимия, принимая во внимание некоторые особенности его характера. Но даже если это дополнение к имени епископа никак не соответствовало действительности и было введено в летописные своды много позже описываемых событий, неизменным остаётся факт «розмирья» между князем и владыкой. А если вслед за Э. Ключом предположить, что основной причиной конфликта стали личные качества епископа, то в этом случае можно допустить, что не только в политической, но и в иных сферах Евфимий был весьма деятельной фигурой. К примеру, в том же самом храмостроительстве или в обустройстве владычной резиденции, которые бы наиболее зримо «работали на имидж» иерарха. Реализуя свои амбиции, епископ мог оказаться участником общерусского процесса каменного «здательства», которое в последней четверти

XIV в. приобрело широкий размах, тем более что и Тверь не осталась в стороне от этого процесса.

В этот период в Тверском княжестве строительство или обновление каменных зданий летописи фиксируют лишь в конце XIV в. В 1396–1398 гг. возводится Михаило-Архангельский собор в Старице, а в 1399 г. реконструируется Спасо-Преображенский собор в Твери¹². Однако строительные мероприятия, связанные с созданием или обновлением дерево-земляных укреплений, осуществлялись на протяжении всего правления Михаила Александровича (1366–1399). Начало его княжения было отмечено устройством нового «городка» на Волге (1366)¹³. Позже князь также уделял внимание укреплению малых «градков» Тверской земли, но более всего Михаил Александрович занимался обустройством столицы княжества. В 1369 г. были срублены и обмазаны глиной деревянные оборонительные сооружения Кремля¹⁴. В 1373 г. «около города Тфери валу ров выкопали и вал засыпали от Волги до Тьмаки»¹⁵. Очередные крупные работы по реконструкции Тверского Кремля были проведены в 1387 г. Несколькими годами позже (в 1391 г.) Михаил Александрович расширил и дополнительно укрепил Старицкий Кремль и перестроил ворота «у святого Василия» в Твери. Наконец, в 1394–1395 гг. кремлёвские стены Твери были вновь усилены¹⁶.

По всей видимости, в период градостроительных мероприятий 1387–1395 гг., на Княжьем дворе могли выстроить несколько каменных башен, которые удалось обнаружить во время археологических исследований 1998 г. Их создание могло быть обусловлено доставкой в 1389 г. в столицу княжества пушек, вместе с которыми привезли, вероятно, и боеприпасы (ядра и порох). Не исключено, что весь этот «припас» (особенно пожароопасный порох) разместили в возведённых накануне белокаменных башнях, которые, безусловно, были более надёжным укрытием, чем деревянные постройки¹⁷.

На фоне столь масштабных градостроительных работ летописные свидетельства о храмостроительстве в Тверском княжестве чрезвычайно скудны. Под 1382 г. сообщается о золочении главы на Спасо-Преображенском соборе¹⁸, а под 1394 — о строительстве епископом Арсением церкви Антония и Феодосия во вновь основанном Успенском Желтиковом монастыре¹⁹. Значительно более «урожайным» на подобную информацию является начало XV столетия. Тем не менее мы не вправе исключать возможности создания в последней четверти XIV в. ещё ряда культовых и иного назначения сооружений. Строительство этих построек летописцы могли и не фиксировать. Допускаем, что были утрачены источники, где отмечались закладка или возведение некоторых зданий. Ведь не попала на страницы летописей дата строительства каменного Успенского собора Отроча монастыря, отсутствуют сведения о найденных в 1998 г. в центре Кремля белокаменных башнях. Мы не знаем время постройки «старой» соборной колокольни, рядом с которой в 1407 г. Иван Михайлович заложил новую «колокольницу»²⁰. Нет данных о строительстве Дмитровского и Введенского приделов при кафедральном Спасо-Преображенском соборе²¹. Неизвестно, когда появились Георгиевский и Васильевский храмы, которые летописец отмечает под 1390 г. возле Владимирских и Тьмацких (?) ворот Тверского

Кремля²². Загадкой остаётся дата строительства Михайловской «палатной» церкви на Княжьем дворе, отмеченной источниками под 1399 г. в связи с кончиной тверского князя Михаила Александровича²³. Не менее загадочна и судьба Никольского монастыря «над ручьём», куда в 1387 г., покинув кафедру, ушёл епископ Евфимий Вислень. Это, кстати, единственное упоминание обители в летописных источниках.

Правда, тверской Никольский монастырь «на ручью» знает дозорная книга 1551–1554 гг. В середине XVI в. этому монастырю принадлежали небольшие земельные владения в волости Чаглово Тверского уезда²⁴. Документ не даёт точной «привязки» монастыря в городе, но контекст позволяет с известной долей вероятности локализовать эту обитель в Заволжской части Твери. Отметим, что «поиском» Никольского монастыря начали заниматься ещё в XIX в. Однако подавляющему большинству исследователей при определении местоположения этой обители не удалось избавиться от противоречивых суждений²⁵. Тем не менее ещё в предреволюционные годы тверской краевед М. В. Рубцов достаточно убедительно локализовал Никольский монастырь «над ручьём». Детально проанализировав данные писцовой книги 1626 г., исследователь разместил его в Заволжской части Твери, недалеко от устья Гостиного ручья, между Филипповским и Вознесенским храмами²⁶. В советское время вывод Рубцова получил поддержку Э. А. Рикмана, который на реконструкции плана средневековой Твери расположил этот монастырь у самого устья Гостиного ручья (илл. 1)²⁷.

Писцовая книга 1626 г. действительно знает «Николу на ручью», но не монастырь, а деревянную приходскую церковь, которая в это время находилась в ветхом состоянии. На незначительном расстоянии от неё этот же источник фиксирует деревянный Филипповский храм и ещё одну каменную «завалившуюся» церковь²⁸.

Запустение деревянного Никольского храма было, вероятно, связано со Смутой начала XVII в., поскольку дозорная книга 1616 г. уже не отмечает Никольской церкви среди действующих церквей, хотя соседний храм во имя Филиппа апостола она фиксирует. Характерно, что опись 1616 г. сообщает о наличии двора «филипповского попа Михаила», но не упоминает о дворе «никольского попа»²⁹. Тем не менее источник 1626 г. рядом с «обвалившейся» деревянной церковью Николы на Гостином ручье размещает бывшее «поповское» место, на котором в тот период проживал «ямщик Курдючко Елизарьев сын Прокудин»³⁰. Курдючка Прокудин поселился на этом дворе, по всей видимости, после Смуты, поскольку в качестве жителя Заволжского посада его отмечает дозорная книга 1616 г.³¹

Дополнительные подробности о Никольском храме содержит писцовая книга 1685/86 гг. Она локализует уже давно утраченную деревянную церковь на территории расположенного на берегу Волги заброшенного кладбища, рядом с Гостиным ручьём. Вокруг кладбища, площадь которого составляла 19x11 сажень (40,5 × 23,5 = 952 м²), находилась церковная земля. Суммарно её площадь составляла 3670 м². Именно здесь, рядом с «Никольским» кладбищем (вероятно, на «поповской» земле), занимая значительную часть церковной территории (1750 м²), проживали в XVII в. ямщики Прокудины. Согласно писцовой книге 1685/86 гг., в тот период там находился двор Антипки Прокудина и его сына Микишки³².

Проследив описание Заволжского посада Твери по писцовой книге 1685/86 гг., мы видим, что запустевшее к тому времени «Никольское» кладбище действительно находилось на берегу Волги где-то между Вознесенским и Филипповским храмами. Вероятно, достаточно близко к устью Гостиного ручья, но не к востоку от устья, как показано на реконструкции Э. А. Рикмана, а к западу от него, поскольку писец, двигаясь от Вознесенского храма к Филипповскому, пересёк Гостиный ручей. Получается, что Никольский деревянный храм и кладбище при нём находились в своеобразном «междуречье», зажатом между Волгой и руслом ручья (см. планы конца XVIII–XIX вв. — илл. 2–6)³³. Хотя «Никольское» кладбище и связанная с Никольским храмом церковная земля, которые, как было сказано выше, в сумме составляли свыше 4500 м², могли располагаться не только в «междуречье», но и, напротив, по северному берегу ручья.

Пройдя далее к западу берегом Волги и зафиксировав ещё несколько дворов, составитель писцовой книги 1685/86 гг. продолжил описание домовладений к западу от Гостиного ручья и, вероятно, по сторонам этой протоки, уходящей почти перпендикулярно от Волги на север. Сначала переписчик, по всей видимости, занёс в книгу данные о дворах к западу от ручья, потом перебрался через него и восточным берегом вышел к Большой улице, к тому месту, где когда-то находилась деревянная церковь Филиппа и кладбище при ней. Зафиксировав размеры запустевшего «Филипповского» кладбища, он начал описывать домовладения уже не по «правой» (южной), а по «левой» (северной) стороне Большой улицы, которая (улица) ориентировочно проходила по трассе современной набережной Афанасия Никитина, что весьма наглядно показано на рисованном плане Твери первой четверти XVIII в. (илл. 7).

Южная часть «Филипповского» кладбища была обнаружена в 2007 г. во время охранных археологических исследований (илл. 8–9)³⁴. Разрушенная в советское время каменная церковь Филиппа апостола стояла на восточном берегу Гостиного ручья недалеко от берега Волги (илл. 10–12). Южнее храма и также достаточно близко к ручью находилось кладбище (илл. 13).

Наиболее ранние сведения о Филипповской церкви относятся к 1616 г.³⁵, и поэтому можно связать появление этого храма с первыми после Смуты годами: дозорная книга Твери 1616 г. зафиксировала в Заволжье «двор Филипповского попа Михаила»³⁶. Десятью годами позже при описании Твери Потапом Нарбековым и подьячим Богданом Фадеевым в Заволжье была отмечена деревянная «клецкая» церковь Филиппа апостола³⁷. Правда, этого храма не существовало в 1677 г. Детально исследовавший перепись 1677 г. автор предположил, что запустение и последующая утрата Филипповской церкви были обусловлены «смертоносной язвой» 1655 г., унёсшей жизни многих тверичей³⁸. Не был восстановлен Филипповский храм и к 1685 г. Зафиксировавшая сложившуюся ситуацию писцовая книга 1685/86 гг. уточнила, что запустению подверглась вся церковная территория, включавшая, помимо церкви, расположенное рядом с ней кладбище. Его площадь в последней четверти XVII в. составляла около 1350 м² (42 × 7 саж. — 90 × 15 м). Размер кладбища, выявленного археологически, — около 29 м с запада на восток.

По-прежнему не застроенным отмечает церковное место переписная книга 1709 г.³⁹ и план Твери первой четверти XVIII в. (илл. 7). Однако во второй четверти XVIII столетия Филипповский храм уже существовал⁴⁰. Не исключено, что выстроили его около 1721 г., поскольку именно в этом году для церкви была написана икона Божией Матери всех скорбящих радости⁴¹. 29 мая 1744 г. церковь Филиппа апостола сгорела от «приключившегося в приходе» пожара. Прихожане, спасшие от огня храмовые иконы, книги, посуду и иную церковную утварь, в том же году обратились к тверскому епископу с просьбой дать благословение на строительство «на том же церковном месте» нового Филипповского храма. Архиерейское благословение последовало 31 декабря 1744 г.⁴² Подготовительные работы прихожане провели в 1745 г., и на следующий год деревянная «церковь в прежнее наименование святого Апостола Филиппа с пределом Трёх святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста доброю архитектурою» была построена и подготовлена к освящению⁴³.

Вновь созданный храм простоял немногим более 15-ти лет, и в 1760 г. филипповский священник Максим Алексеев, заручившись поддержкой состоятельных прихожан, подал прошение, в котором содержалась просьба разрешить заменить деревянный храм каменным. Почти 20 лет ушло на подготовительные работы и строительство церкви. Наконец, в апреле 1779 г. она была готова к освящению и, по-видимому, тогда же освящена⁴⁴. Завершение строительства каменного храма совпало по времени с сенатским указом 1772 г., запрещающего хоронить при городских церквях умерших⁴⁵, поэтому думается, что обнаруженное в 2007 г. во время охранных археологических работ «Филипповское» кладбище, по сути дела, не должно было включать захоронения, сделанные в период существования каменной церкви Филиппа апостола.

Площадь заложенного в 2007 г. в районе Гостиного ручья раскопа и примкнувшей к нему с запада траншеи составили порядка 700 м². Они располагались на склоне первой надпойменной террасы, на левом берегу р. Волги, в нескольких десятках метров выше по реке, практически напротив устья р. Тьмаки, правого притока Волги.

Раскоп частично пришёлся на русло Гостиного ручья, впадавшего в Волгу примерно в 300 м к востоку от участка исследований 2007 г., а также на оба его берега. Ручей когда-то вытекал из небольшого заболоченного озера, заметного на планах XVIII–XIX вв. к северу от каменной церкви Филиппа апостола. Русло ручья и место его впадения в Волгу заметны ещё на планах первой половины XX в. Примерно в 30–40 м к северу от раскопа находятся остатки каменного Филипповского храма второй половины XVIII в., который фрагментарно был исследован в 1999 г.⁴⁶

В 2007 г. площадка раскопа накануне начала работ представляла собой часть посаженного в 1950-е гг. яблоневого сада. Поверхность её в центральной части раскопа, на месте русла ручья, имела наклон с севера на юг с весьма существенным перепадом высот почти в 3,5 м⁴⁷. Культурный слой XVIII в. и более раннего времени был перекрыт мощными, до 2,5 м толщиной, слоями сильно перемешанного грунта, насыщенного строительным и бытовым мусором. Этот балластный

слой относился в основном к XX в., ко времени устройства здесь набережной — тротуаров и проезжей части. Впрочем, его мощность резко уменьшалась к югу от парапета набережной, сходя практически на нет в южной части раскопа.

Под позднейшими отложениями лежал слой, образовавшийся в основном в XVIII–XIX вв., так называемый огородный — довольно однородный, мало или совершенно не стратифицированный. Мощность его колебалась от 10 до 40 см. В качестве примеси в нём присутствовала известняковая крошка. Этот однородный слой перекрывал могильные ямы и отложения, связанные с кладбищем, располагавшимся к югу и востоку от церкви Филиппа апостола, на левом берегу Гостиного ручья.

В раскоп вошла южная часть некрополя — могилы не распространялись далее на восток и на юг и не доходили до берегового склона ручья примерно 4–6 м⁴⁸. В многочисленных погребениях этой части некрополя были найдены нательные кресты, пуговицы, в редких случаях — украшения. Предметы были изготовлены в основном из медных сплавов, иногда — из свинцово-оловянистых. Все эти вещи датируются XVII — первой половиной XVIII вв. Таким образом, исследованная часть кладбища относится ко времени существования деревянного Филипповского храма. А погост этот, несомненно, был связан именно с церковью Филиппа апостола.

На участках между погребениями, под отложениями, перекрывающими могилы, были зафиксированы остатки слоя белокаменного щебня, пробитого могильными и иными, более поздними ямами. Его мощность невелика — до 4–5 см. Сохранился щебень крайне фрагментарно, в виде небольших пятен, до 50 см в поперечнике. Они разбросаны по всей площади в северо-восточной части раскопа, занятой кладбищем. Относительно небольшая линза белокаменного щебня была обнаружена и на западном, левом берегу ручья. В ней, кстати, собрано довольно много кусочков оплавленного свинца (илл. 13). Особо следует отметить, что пятна щебня не имеют примеси кирпичной крошки. Добавим, что включения белокаменной крошки обнаружены в заполнении ряда могильных ям. В некоторых случаях эти ямы перекрыты тонкими, до 5–7 см толщиной, прослойками грунта со значительной примесью белокаменного щебня. Очевидно, что известняковая крошка попала в ямы и перекрывающие их прослойки при их открытии и засыпке. И произошло это уже после образования слоя белокаменного щебня.

Наличие в этой части раскопа белокаменного щебня и особенно время его образования представляют особый интерес, поскольку мы знаем, что писцовая книга 1626 г. фиксирует рядом с деревянной церковью Филиппа апостола руины каменного, лишённого наименования храма (см. выше). Мы не первые, кто обращает внимание на это свидетельство источника и пытается идентифицировать неизвестную церковь. Общим в предшествующих суждениях было то, что все, кто писал об этом, стремились увязать завалившийся каменный храм с Филипповской церковью. К примеру, М. В. Рубцов предполагал, что каменная постройка входила вместе с Филипповским храмом в приходской храмовый комплекс, где одна из церквей была холодной (вероятно, каменная), а вторая — тёплой⁴⁹. В свою очередь один из авторов данной статьи допускал создание этого храма не позже рубежа XVI–XVII вв. и не исключал того, что церковь могла называться Трёхсвятской, поскольку

в первой половине XVIII в. деревянный Филипповский храм имел Трёхсвятский придел⁵⁰. Сегодня, после обнаружения слоя белокаменного щебня, у нас появляется возможность предложить иную идентификацию каменной постройки, упомянутой писцовой книгой 1626 г.

Отметим, что нижняя дата образования белокаменного щебня определяется нижележащими напластованиями, которые с большой долей уверенности могут быть датированы на основании, прежде всего, находок монет — относительно значительного количества медных маленьких тверских пул, время обращения которых приходится в основном на XVI в.⁵¹, и единичных серебряных денег этого же столетия. Таким образом, верхняя часть отложений, на которых лежит слой щебня, датируется временем не позднее XVI в. Не противоречит предложенной дате и найденная здесь керамика. Напомним, что слой щебня пробит в ряде случаев погребениями XVII в. Однако при этом следует иметь в виду, что есть могильные ямы ориентировочно первой четверти XVII в., в заполнении которых нет примеси белокаменной крошки, т. е. они появились до образования слоя щебня. Очевидно, таким образом, что верхняя дата подстилающего щебень культурного слоя должна располагаться где-то в пределах конца XVI — начала XVII вв. Следовательно, хронологический отрезок, в рамках которого происходило отложение слоя белокаменного щебня, может быть ограничен концом XVI — первой половиной XVII вв., что вполне согласуется с тем периодом, когда могло происходить разрушение каменного храма забытого посвящения. Подтверждает сказанное отсутствие сведений об этой постройке в писцовой книге 1685/86 гг. Вероятно, к этому времени развалины церкви были окончательно уничтожены.

Некоторые соображения можно высказать по поводу местоположения этого храма. Отметим, что локализуемая раскопом 2007 г. область распространения белокаменного щебня находится практически напротив того места, где когда-то стояла каменная церковь Филиппа апостола (илл. 14). А поскольку писцовая книга 1626 г. размещает деревянный Филипповский храм и «завалившуюся» неизвестную каменную церковь рядом, мы можем предположить, что остатки каменной средневековой постройки следует искать не между Филипповским и Вознесенским храмами (как считал М. В. Рубцов), а, скорее всего, в непосредственной близости или даже отчасти на месте уничтоженной во второй половине XX столетия каменной Филипповской церкви, возможно, с некоторым смещением к югу от последней: под тротуаром и дорожным полотном набережной Афанасия Никитина. Территория к северу от каменного храма Филиппа апостола в этом случае не может рассматриваться как перспективная, поскольку заложенный в 1999 г. рядом с северным приделом Филипповской церкви небольшой раскоп (илл. 8–9), не зафиксировал слоя белокаменного щебня, подобного тому, что был обнаружен в 2007 г. при археологических работах к югу от набережной.

Следует подчеркнуть, что при разборке в первой половине — середине XVII в. безымянного каменного храма щебень, без сомнения, растаскивали в разные стороны от здания, но наибольшее его количество должно было отложиться рядом с церковью. Именно поэтому определённое нами выше местоположение утра-

ченного в XVII в. каменного средневекового храма представляется как наиболее оптимальное. В заключение отметим, что слой строительства церкви в 2007 г. обнаружен не был.

Важно заметить, что отсутствие в слое белокаменного щебня кирпичной крошки даёт основание относить это сооружение к периоду самостоятельного Тверского княжества. Добавим, что здание могло иметь довольно богатое убранство — в щебне найдены фрагменты свинцовых пластин, оконных переплётов, куски оплавленных неопределимых предметов. Можно предположить, что, помимо оконниц, свинцовой была и кровля церкви. Все эти особенности и местоположение храма позволяют предварительно (на уровне версии) идентифицировать безымянную каменную церковь, упомянутую писцовою книгой 1626 г., с соборным храмом Никольского монастыря «над ручьём», куда зимой 1386/87 гг. ушёл «со владычества» епископ Евфимий Вислень.

Отсутствие самой постройки не позволяет в настоящее время заниматься проблемой датировки здания. Сегодня она может быть размещена в достаточно широком хронологическом диапазоне: XIV – середина XV вв. Однако возможная связь с этой постройкой Евфимия даёт основание попытаться сузить датировку. Конечно же, наиболее вероятным периодом для создания каменного храма является время архиерейского служения владыки: 1374–1390 гг. Допустимо это строительство и в более ранний период, во время предполагаемого игуменства Евфимия в Никольском монастыре «над ручьём». Но эта версия не кажется нам достаточно убедительной по разным причинам. Во-первых, настоятелем Никольского монастыря до 1374 г. Вислень мог и не быть. К. Чередеев называет его игуменом этой обители⁵², но источники не подтверждают эту информацию. Во-вторых, в предшествующие владычеству Евфимия годы к строительству новой каменной церкви не располагала политическая ситуация в Тверском княжестве.

Нельзя, конечно же, исключать и первую половину – середину XIV столетия. Применительно к этому периоду факт создания каменного Никольского храма можно было бы рассматривать как свидетельство решения градостроительной задачи. Предположим, что одним каменным храмом — собором Отроча монастыря — «закрепили» восточную границу Заволжья, а другим — собором Никольского монастыря — западную. Тем более что в последнем случае возникла градообразующая взаимосвязь с каменным собором Фёдоровского монастыря, возведённым в 1323–1325 гг. в устье Тьмаки, как раз напротив Никольского храма «над ручьём». Однако подобные предположения нам кажутся очень смелыми, требующими более серьёзной и развёрнутой аргументации, хотя подобный принцип организации городской среды за счёт ряда каменных храмов-акцентов вполне в традициях древнерусского градостроительства.

Допустимо строительство и после 1390 г. и соответственно более поздняя датировка храма: конец XIV – середина XV вв. В этом случае заказчиком каменной Никольской церкви должен был, вероятно, стать князь, однако среди княжеских храмоздательных инициатив конца XIV – середины XV вв. летопись не отмечает строительства собора Никольского монастыря «над ручьём». Конечно,

летописные своды содержат сведения не обо всех выстроенных в средневековые храмах, но в ситуации с Никольским монастырём мы, по всей видимости, имеем дело с игнорированием любых свидетельств, связанных с этой обителью. И если причина молчания летописи — княжеское недовольство владыкой Евфимием, которое могло распространяться на патронируемый архиереем монастырь, то тогда маловероятно участие князя и его ближайших наследников в создании каменного Никольского собора. В итоге, наиболее перспективной представляется датировка этого храма в границах между 1374 и 1390 гг., хотя наивысшего расцвета Никольский монастырь «над ручьём» мог достичь в 1387–1390 гг., в период постоянного пребывания опального епископа в обители.

Возвращаясь к результатам археологических исследований 2007 г., отметим, что сегодня нельзя сказать с определённой уверенностью, затронул ли раскоп территорию Никольского монастыря. Культурный слой до появления здесь «Филипповского» кладбища может быть отнесён ко второй половине XIV–XVI вв. Выявлены здесь и остатки застройки в виде подпольной ямы жилища XV в. и частоканальной канавки того же времени. За принадлежность этого участка Заволжского посада в XIV–XV вв. какой-то церковной организации могут с известной долей вероятности свидетельствовать находки бронзовых крестов-тельников с криновидными завершениями лопастей, несколько фрагментов побывавших в огне бронзовых энколпионов того же времени⁵³. Однако подчеркнём, что эти находки никак не связаны с погостом при Филипповской церкви.

Отсутствие документальных свидетельств не позволяет проследить судьбу Никольского монастыря после отправки в 1390 г. Евфимия в Москву. Следующее по времени сообщение о монастыре относится, вероятно, только к 1551–1554 гг.⁵⁴ Полагаем, что запустение обители началось после разгрома Твери Иваном Грозным зимой 1569/70 гг. Допускаем, что именно по этой причине перестал существовать монастырь, а к востоку от разорённой обители в последней трети — последней четверти XVI в. выстроили деревянную Никольскую церковь, ставшую, по всей видимости, восприемницей каменного монастырского собора во имя Николая чудотворца, в котором после устроенного опричниками погрома могли перестать совершаться богослужения и началось его постепенное разрушение. Приходской же деревянный Никольский храм «на ручью» пришёл в запустение во время Смуты и позже не восстанавливался. Такое развитие событий в какой-то мере объясняет, почему в 1626 г. составитель писцовой книги не смог определиться с наименованием разрушившейся каменной церкви, стоявшей рядом с Филипповским храмом: к этому времени каменный собор Никольского монастыря уже более полувека мог пребывать сначала в запущенном, а затем в полуразрушенном состоянии.

Материалы дозорной книги 1551–1554 гг. позволяют предполагать, что уже в XVI в. обозначалась взаимосвязь тверского Никольского монастыря «над ручьём» с Никольским «монастырьком» на Новгородской дороге. Вероятно, во втором случае имелся в виду Николо-Малицкий монастырь, который действительно находился в 6–7 верстах от Твери на Новгородской (затем Петербургской) дороге. Оба Никольских монастыря (поставленные в дозорной книге 1551–1554 гг. один

за другим) в середине XVI в. владели деревнями и пустошами в волости Чаглово Тверского уезда. Им даже принадлежала одна деревня Зеленцыно⁵⁵. Вновь эта взаимосвязь опосредованно была отмечена писцовой книгой 1626 г. Напомним, что в начале XVII в. иконы из приходской Никольской церкви «на ручью» были «взяты к Николе Чудотворцу на малицу»⁵⁶. А деревянный Никольский храм в Заволжской части Твери мог наследовать не только наименование каменного монастырского собора, но и его иконы и различную церковную утварь. И поэтому «на Малицу» могли быть переданы те «образа», которые до второй половины XVI в. находились в каменном храме Никольского монастыря «над ручьём».

Предложенная идентификация Никольского «монастырька» на Новгородской дороге ставит под сомнение принятую до сих пор дату основания Николо-Малицкого монастыря — 1584–1598 гг.⁵⁷ Однако сомнения в правомерности такой датировки высказывались ещё в последней четверти XIX в. Незвестный автор в «Тверских епархиальных ведомостях» за 1887 г. предположил, ориентируясь на опубликованные к тому времени писцовые книги Тверского уезда XVI в., что Малицкая обитель существовала ещё в 1540 г.⁵⁸

Несмотря на неточное прочтение источника, в целом это предположение анонимного автора верно ориентирует нас на середину XVI в. как время основания Николо-Малицкого монастыря, поскольку другие Никольские монастыри неизвестны на Новгородской дороге. Косвенным, но дополнительным аргументом в пользу более ранней (а не конца XVI в.) даты создания Малицкого монастыря является указание дозорной книги 1551–1554 гг. на принадлежность Никольского «монастырька» «царю и великому князю»⁵⁹. Напомним, что основание обители «привязывают» к годам правления царя Фёдора Иоанновича; в 1613 г. монастырь получил жалованную грамоту от царя Михаила Фёдоровича, да и в более позднее время крупные средства в Малицу поступали от именитых бояр и дворян. Делали богатые вклады и архиереи⁶⁰. Сказанное выше даёт основание полагать, что благодаря великокняжескому патронату ещё в первой половине – середине XVI в. в нескольких верстах к западу от Твери возник Николо-Малицкий монастырь, который изначально мог рассматриваться как тесно связанная с Никольским монастырём «над ручьём» обитель. Вероятно, поэтому в начале XVII в. церковная утварь из деревянной Никольской церкви «на ручью» была передана в Николо-Малицкий монастырь.

Основным итогом проведённых исследований можно, как нам кажется, считать идентификацию неизвестного каменного храма писцовой книги 1626 г., его датировку и достаточно точную локализацию этой постройки на местности. Соборный храм Никольского монастыря «на ручью» в удельный период, без сомнения, являлся одним из наиболее репрезентативных сооружений Заволжья. Наряду с Успенским собором Отроча монастыря, удачно акцентирующим восточный край этого посада, Никольский храм выступал весомым градообразующим акцентом в районе западной оконечности Заволжья.

Любопытно, но сформированная в средневековье на Заволжском посаде посредством двух каменных монастырских соборов композиционная взаимосвязь

опосредованно, наверное, скорее идейно, нежели по градостроительной целесообразности, была повторена в XVII–XVIII вв. в двух каменных Филипповских храмах Заволжья: церквях Филиппа митрополита в Отроче монастыре и Филиппа апостола в районе Гостиного ручья. Эти храмы не отличались типологической близостью, но апсиды у разновременных сооружений сделали одинаково прямоугольными, что было достаточно редким явлением в культовом строительстве того времени.

Список сокращений

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва.
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Москва.
 РГИА — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
 ГАТО — Государственный архив Тверской области.
 ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. Москва.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

¹ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 444; ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 90.

² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 445.

³ ПСРЛ. Т. 11. С. 124–125.

⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 446.

⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 124.

⁶ Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 226.

⁷ Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 86, 92.

⁸ Там же. С. 95, 102.

⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 435.

¹⁰ Там же. Стб. 441–442.

¹¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 1. Стб. 508; Ерёмкина М. А. Лексико-семантическое поле «отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. С. 13.

¹² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1962. Т. 2. С. 445.

¹³ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Стб. 81.

¹⁴ Там же. С. 91; ПСРЛ. Т. 11. С. 12.

¹⁵ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Стб. 104–105.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 93, 125, 156.

¹⁷ Салимов А. М. Тверские ротонды // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2003. С. 288–314.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 441.

¹⁹ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Стб. 164.

²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 473.

²¹ Салимов А. М. Тверской Спасо-Преображенский собор. История и проблемы изучения. Тверь, 2008. С. 47–74.

²² ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Стб. 159; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 445.

²³ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Стб. 171.

²⁴ Дозорная книга Тверского уезда 1551–54 гг. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М., 2005. С. 273.

- ²⁵ См. историографическую часть: *Рубцов М. В.* Св. Никола над ручьём, в Твери. Старица, 1912. С. 1–7.
- ²⁶ Там же. С. 8–26.
- ²⁷ *Рикман Э. А.* Новые материалы по топографии древней Твери // Краткие сообщения института истории материальной культуры. М., 1953. Вып. 49. С. 47, 50.
- ²⁸ Выпись из тверских Писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева. 1626 год. Тверь, 1901. С. 135–137.
- ²⁹ *Сторожев В. Н.* Дозорная книга Твери 1616 года. Тверь, 1890. С. 36–37.
- ³⁰ Выпись из тверских Писцовых книг Потапа Нарбекова ... С. 136.
- ³¹ *Сторожев В. Н.* Дозорная книга Твери 1616 года ... С. 37.
- ³² РГАДА. Оп. 1. Д. 470. Л. 280 об.
- ³³ По-видимому, процесс размывания Волгой остатков именно этого кладбища зафиксировал в своей работе М. В. Рубцов: «Гробы и надгробные плиты его (кладбища) почти ежегодно обнажаются весеннею водою на глубине около 2 аршин в Заволжском берегу реки Волги, а в прежнее время, 35 лет тому назад, края этих плит постоянно можно было видеть торчащими из берега Волги в этом месте, а около них — по берегу р. Волги — в изобилии разбросанные черепа и кости, и другие предметы. Часть этих плит и вещей несомненно попала и в Тверской музей. Во время постройки в 1897–1900 гг. постоянного моста через Волгу, часть земли, толщиной около аршина, а в некоторых местах и более, потребная для насыпи дамбы для берегового быка с Заволжской стороны, бралась с Заволжского берега Волги вплоть до Гостиного ручья и выше его, задела самое кладбище, так что теперь могильные плиты его лежат уже на значительно меньшей глубине. В один июльский вечер 1899 года рабочие при мне выкопали часть надгробной плиты (другая осталась в земле), на которой находилась следующая надпись ... с изображением Т-образного креста, с кругловидным утолщением по середине...» (*Рубцов М. В.* Св. Никола над ручьём... С. 19–20).
- ³⁴ Охранные археологические раскопки были проведены здесь (на месте строительства лестницы, ведущей с набережной Афанасия Никитина к расположенной на берегу Волги площадке для отдыха) в 2007 г. отрядом археологической экспедиции Тверского государственного объединённого музея под руководством Е. А. Романовой. В 2008 г. Е. А. Романова продолжила работы в районе Гостиного ручья. Тогда здесь была заложена траншея общей протяжённостью около 400 м² (см. илл. 8).
- ³⁵ *Салимов А. М., Салимова М. А.* Филипповская площадь в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 439.
- ³⁶ *Сторожев В. Н.* Дозорная книга Твери 1616 года ... С. 36.
- ³⁷ Выпись из тверских Писцовых книг Потапа Нарбекова ... С. 137.
- ³⁸ Церкви и монастыри в г. Твери в 1677 году, по переписи Михаила Никитича Чирикова, да подьячего Ивана Алексеева. Тверь, 1889. С. 17–18.
- ³⁹ Переписная книга города Твери 1709 года. Тверь, 2007. С. 51–53.
- ⁴⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 2127. 1744 г. Л. 1.
- ⁴¹ Храмовые празднества в городе Твери. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 83.
- ⁴² ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 2127. 1744 г. Л. 1, 4–4 об.
- ⁴³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 2128. Л. 1; ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 2129. Л. 1.
- ⁴⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 2132. Л. 1–1 об.; ГАТО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 2142. Л. 1.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 8. Д. 71. Л. 3–3 об.
- ⁴⁶ *Салимов А. М.* Отчёт об археологических исследованиях на Филипповской площади в Твери в 1999 г. Тверь, 2000. Архив ИА РАН. Р–II.
- ⁴⁷ Большая длина средней части раскопа по оси север-юг была обусловлена проектом реконструкции этого участка набережной.

- ⁴⁸ См.: Романова Е. А. Отчёт об исследованиях на территории бывшего Заволжского посада г. Твери в 2007 году. Раскоп Филипповский 1. Тверь, 2008. Архив ИА РАН. Р–II.
- ⁴⁹ Рубцов М. В. Св. Никола над ручьём, в Твери ... С. 21.
- ⁵⁰ Салимов А. М., Салимова М. А. Филипповская площадь в Твери ... С. 439.
- ⁵¹ Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М., 1993. С. 89.
- ⁵² Чередеев К. Биографии тверских иерархов. Тверь, 1859. С. 33.
- ⁵³ По новгородским материалам такие крестики датируются началом XIV – началом XV вв. См.: Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 54.
- ⁵⁴ Дозорная книга Тверского уезда 1551–54 гг. ... С. 273.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Выпись из тверских Писцовых книг Потапа Нарбекова ... С. 136.
- ⁵⁷ Тверская область. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России / отв. ред. Г. К. Смирнов. М., 2002. Ч. 1. С. 546.
- ⁵⁸ Торжественное перенесение чудотворной иконы святителя Николая из Малицкого монастыря в г. Тверь и обратно // Тверские епархиальные ведомости. 1887 г. № 5. С. 131.
- ⁵⁹ Дозорная книга Тверского уезда 1551–54 гг. ... С. 273.
- ⁶⁰ Торжественное перенесение ... С. 131–142.